

— Это просто ужасно! Мы ведь на Севере, уже декабрь, а он назначил встречу у городского рва. Замёрзнешь тут! — Ян Мэй с недовольством посмотрела на большую оголённую иву, за которой стояла, и не могла сдержать возмущения. Это было больше похоже на шпионскую встречу, чем на свидание. Встретиться у рва — удобно, если решишь покончить с собой: если вдруг не договоритесь, можно сразу прыгнуть в воду.

— Давэй, ты правда хочешь расстаться со мной? — Гу Цинцин, следуя наставлениям Ян Мэй, изобразила жалобное выражение лица, с лёгкой дрожью в голосе и слезами на глазах. Она смотрела на него, слегка прикусывая губу и время от времени всхлипывая.

— На самом деле я давно хотел тебе сказать: мы не подходим друг другу по характеру, — Чжэнь Давэй ответил с явным раздражением.

Ян Мэй, спрятавшаяся за деревом, услышала его слова и не смогла сдержать презрения. Не подходят по характеру? Они встречались пять или шесть лет, и только теперь он понял, что они не подходят? У этого господина Чжэнь, видимо, нервные клетки отмерли, раз он так долго не мог этого осознать. И самое удивительное — он оказался бесстыднее, чем она сама. Она, в худшем случае, брала закуски у уличных торговцев, а этот Чжэнь, зная, что собирается расстаться, принял подарок на день рождения стоимостью в несколько тысяч юаней!

— В чём мы не подходим, Давэй? Скажи, я исправлюсь! — Гу Цинцин, вероятно, замёрзла, и у неё начался насморк. Она резко втянула соплю, и они попали ей в рот... Это было отвратительно.

Она сама не выдержала и быстро отвернулась, чтобы выплюнуть.

— Что ты делаешь? Мы даже не спали вместе, так что не говори, что ты беременна от меня! — Чжэнь Давэй не только не проявил заботы, но и, казалось, старался держаться от неё подальше.

— Я... люблю тебя...

— Не говори, Гу Цинцин. Я терпел тебя много лет. Неужели у тебя совсем нет самосознания? Почему я полгода не связывался с тобой? Потому что хотел расстаться. Если бы ты была умнее, мы могли бы остаться друзьями.

Чжэнь Давэй вдруг усмехнулся:

— Ты говоришь, что любишь меня? А чем ты можешь меня любить? Ты ведь даже работу потеряла. Ты сама себя не можешь содержать, как ты собираешься жить? Не говоря уже о твоей внешности. Сейчас тебе можно дать сорок лет. Когда я тебя встретил, ты была совсем другой. Ты была стройной, красивой. А теперь посмотри на себя. Ты, наверное, вешишь килограмм семьдесят. Твой рост — метр пятьдесят восемь, и вес — пятьдесят восемь килограмм. Если бы ты была на моём месте, выбрала бы ты саму себя? Может, ты скажешь, что говорить о внешности — это поверхностно. Тогда давай поговорим о чём-то более глубоком.

Каждый раз, когда мы ходили на свидания, ты выбирала либо лапшу, либо острое блюдо. Иногда мы ели хот-пот, но ты всегда приносила свои шарики. Неужели ты не можешь перестать быть такой скупой?

— И это пальто, которое ты носишь, ты купила его три года назад? Рукава уже пошли катышками. Ты даже не замечаешь, как трудно тебе втиснуться в него. Гу Цинцин, если у тебя есть хоть капля самоуважения, давай расстанемся по-хорошему, чтобы никто никого не тянул вниз!

Чжэнь Давэй выпалил всё это одним махом и развернулся, чтобы уйти. Гу Цинцин рыдала, слёзы и сопли текли по её лицу:

— Давэй, не уходи, я люблю тебя. Я похудею, я буду лучше ухаживать за собой...

— К сожалению, ему нужно не это. Даже если ты похудеешь и станешь красивее, он всё равно не будет доволен, — Ян Мэй, наблюдая за умоляющей Гу Цинцин, не могла не вздохнуть. — Любовь действительно делает людей глупыми...

— Цин, слушай, тот парень, который продаёт яичные лепёшки, Сяо Лю, довольно симпатичный. Может, забудь о Чжэнь Давэе...

Когда Чжэнь Давэй ушёл, Ян Мэй вышла из-за дерева и помогла Гу Цинцин подняться.

— Отстань, тот, кто продаёт яичные лепёшки, носит фамилию Чэнь... Мне нужен только Давэй... — Гу Цинцин была в таком состоянии, что её макияж был полностью размазан.

— Этот Чжэнь Давэй такой подлец, что в нём хорошего? Почему ты так к нему привязана?

— Он мой первый парень, раньше он был так хорош ко мне. Это я виновата, я стала недостойной его...

Даже в этот момент Гу Цинцин продолжала оправдывать Чжэнь Давэя.

— Эх... Не плачь, пойдём домой. Раз уж ты понимаешь, что недостойна его, то постарайся стать лучше! — Ян Мэй, глядя на Гу Цинцин, вдруг вспомнила себя в прошлом. Действительно, первая любовь — это самое трудное, что можно отпустить.

Но когда человек меняет сердце, оно уже не вернётся, как бы ты ни старалась.

Гу Цинцин обладала одним большим достоинством — она была упорной. Даже после того, как Чжэнь Давэй так её ранил, она продолжала пытаться вернуть его, встречаясь с ним каждые два-три дня. Он избегал её, скрывался и даже переехал.

Не зная нового адреса, она стала дежурить у входа в отдел иностранных дел. Стоит отметить,

что её опыт работы папарацци пригодился ей в слежке за Чжэнь Давэем. Сначала охранники пытались её прогнать, но, видя, что она возвращается каждый день, перестали обращать на неё внимание.

Она не плакала и не устраивала сцен, просто садилась на маленький складной стул у входа, а в обед перекусывала принесёнными лепёшками. В такую холодную погоду, когда даже собаки мёрзнут, она продержалась целую неделю. В конце концов, даже охранник не выдержал и стал приносить ей горячую воду.

Однажды старик принёс ей воду и не смог сдержать любопытства:

— Девушка, что за беда с тобой случилась? Если ты хочешь подать жалобу, это не здесь, тебе нужно в муниципалитет, через дорогу.

— Спасибо, дедушка, я не жалуясь, я жду своего парня.

Старик, видимо, был слишком свободен, потому что с энтузиазмом спросил, кто её парень, и Гу Цинцин рассказала ему всю историю.

— Девушка, я поддерживаю тебя. Любовь требует настойчивости, нужно бороться за неё. В молодости я был недостаточно настойчив и в итоге остался один. Ты держись, я верю в тебя!

Гу Цинцин рассказала об этом Ян Мэй, и та не смогла не заметить:

— Ты уверена, что этот старик не остался один из-за того, что был низким, бедным и непривлекательным?

Как говорится, подобное притягивает подобное. Гу Цинцин, такая странная, везде находила таких же странных людей.

— Цин, знаешь, твоя слежка, скорее всего, ни к чему не приведёт. Ты же столько лет дежурила в аэропорту, но так и не нашла ни одного сенсационного скандала. Так что, даже если ты просидишь у отдела иностранных дел до скончания веков, Чжэнь Давэй, скорее всего, не обратит на тебя внимания. Либо смирись, либо попробуй другой способ. Если ты продолжишь в том же духе...

В этот лютый мороз, если ты продолжишь сидеть там, я боюсь, что ты не дождёшься его, а сама замёрзнешь...

Но слежка Гу Цинцин вскоре закончилась. Охранник сообщил ей, что Чжэнь Давэй уехал за границу на стажировку на прошлой неделе, и неизвестно, когда он вернётся. Гу Цинцин ничего не оставалось, как собрать свой складной стул и отправиться домой.

Однако и дома она не успокоилась. Не найдя временной работы, она стала донимать Ян Мэй, чтобы та придумала что-нибудь. Ян Мэй, тоже человек с причудами, в отчаянии предложила

странную идею: раз Чжэнь Давэй уехал, нужно действовать через Чжань Юнь.

— Как действовать? Убить её? — Гу Цинцин сделала жест, будто перерезает горло.

Ян Мэй шлёпнула её по голове:

— Ты что, не знаешь, что убийство — это преступление?

— Тогда как действовать через Чжань Юнь? — Гу Цинцин не понимала.

— Ты что, глупая? Чжэнь Давэй хочет стать зятем начальника. Если, когда он вернётся, у начальника уже будет другой зять, ему не останется ничего, кроме как вернуться к тебе. Это первый план. Второй план — ты сама можешь попробовать соблазнить Чжань Юнь и стать зятем начальника.

Ян Мэй, с её склонностью к странным идеям, действительно могла предложить такое.

Гу Цинцин, естественно, отказалась от второго плана и решительно приступила к реализации первого — найти объект для своей соперницы.

Чжань Юнь в последнее время чувствовала, что за ней следят. Раньше на её пути на работу не было уличных торговцев, но в последнее время они появились, причём постоянно менялись. Позавчера продавали яичные лепёшки, вчера стали продавать леденцы, а сегодня появился продавец воды.

<http://bllate.org/book/15549/1376322>